

Оригинал здесь -- http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/22janN4.htm#_ftnref1

Соборяне. Старогородская хроника. Н. Лѣскова. (Стебницкаго). Москва. 1872 (5 частей въ одной книгѣ; 136+72+74+42+76, всего 400 страницъ) 8°. Цѣна 3 рубля сер.

Романъ этотъ, созданьемъ котораго Н. С. Лѣсковъ поставилъ внѣ всякихъ сомнѣній свое глубокое поэтическое дарованіе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно знаменательное, отрадное явленіе въ нашей образованности. Въ сферу поэзіи нашей авторъ вводитъ въ *первый разъ* лица изъ русскаго духовенства и притомъ съ чисто-поэтическимъ отношеніемъ къ нимъ, т. е. ставить передъ нами *положительные типы* изъ этой среды. Г. Лѣсковъ открываетъ такимъ образомъ для нашей поэзіи новую, нетронутую еще ею жизненную среду русскаго общества и народа. Заслуга немаловажная сама по себѣ, и получающая еще большую важность въ виду критическаго положенія нашего общества. Опять, въ тысячный и тысячный разъ, наша поэзія, какъ и всегда, идетъ впереди общества и напоминаетъ намъ о нашихъ силахъ среди нашего безсилія!

На фонѣ бѣдной жизни уѣзднаго городка авторъ ставитъ передъ нами трехъ духовныхъ; безшабашнаго потомка малорусскихъ казаковъ, сангвиника-богатыря, вдоваго дьякона Ахиллу Десницына, до сѣдыхъ волосъ сохранившаго почти дѣтскую непосредственность; затѣмъ щедушнаго, жиденькаго холерика, который "есть, какъ бы его нѣтъ", маленькаго священника Захарію Бенефактова, женатаго и окруженнаго толпою дѣтей, малъ-мала меньше и наконецъ -- главное лицо всей хроники, массивнаго и маститаго, вызывающаго къ себѣ всеобщее уваженіе, бездѣтнаго хоть и женатаго, семидесятилѣтняго старика, протоіерея Савелія Туберозова, одиноко "Божіе живое дѣло" несущаго, несущаго его на однихъ своихъ плечахъ среди тупаго или пассивнаго захолустья, среди консисторской и прочей "мерзости заустѣнія"... Что за лицо! Съ первой страницы хроники, съ первыхъ -- что называется -- ударовъ кисти художника, просто и естественно, какъ сама жизнь, вырастаетъ эта чудесная, величавая фигура, разъ увидавъ которую, никогда ея не забудешь. Та великая, "непомѣрная" душевная сила, которою испоконъ вѣку велась, ведется и будетъ вестись исторія наша, -- сила, извѣстная въ мірѣ подъ именемъ великорусскаго племени русскаго народа, -- эта великорусская сила -- душа стоитъ теперь передъ нами, передъ совѣстью и сознаньемъ такъ называемаго образованнаго русскаго общества, неотразимо стоитъ, облекшаяся въ плоть и кровь до осязательной очевидности, отъ которой мы попятимся бы можетъ быть, въ виду ея энергіи, назадъ, если бы она не стояла на этотъ разъ, въ творческомъ воображеніи поэта, въ священническихъ ризахъ, примиренная съ нами евангеліемъ, своими страданьями, страданьями глухими, страданьями въ мелкотѣ обыденности, примиренная съ нами и со всею жизнью не только священникомъ Бенефактовымъ, вдругъ передъ нами выросшимъ, на предсмертной исповѣди Туберозова, изъ нищаго духомъ человѣчка въ апостола -- нѣтъ, больше, примиренная съ нами чуднымъ свѣтомъ искусства -- да обаяньемъ высокой поэзіи, -- не газрскимъ обличительствомъ, глумящимся надъ жизнью въ своемъ личномъ безсильи, никому не сладкомъ, да никому не нужномъ. Тихо и сильно, какъ всякая настоящая жизнь, проходитъ передъ нами это глубокое лицо, живое до способности къ комизму и серьезное до высокаго, до трагизма, до слезъ. Но въ своей примиренности, въ чистомъ сіяньи искусства, оно стоитъ передъ нами еще неотразимѣе, еще сильнѣе чѣмъ еслибъ поэтъ вздумалъ обратиться -- еслибъ это было возможно -- въ грошоваго обличителя, наставителя, моралиста и т. п. Все кругомъ него въ романѣ, все, въ чемъ есть живая душа, все тяготѣетъ къ нему, какъ къ силѣ, какъ къ сердцу своему, а оно -- это лицо -- стоитъ одиноко, не смотря на привязанность къ себѣ паствы, на общее уваженіе, на близость имъ только и дышащей, любящей жены. "Ты развѣ не одинокъ?" говоритъ ему чуть не столѣтняя екатерининская боярыня, принимая его у себя въ барской усадьбѣ. "Чтожь, развѣ твоя жена все понимаетъ, чѣмъ ты, какъ умный человѣкъ, можешь поскорбѣть и поболѣть! -- Любить? Да ты ее любишь сердцемъ, а помыслами души все таки одинокъ стоишь! Не жалѣй меня, что я одинока! Всякъ, братъ, кто въ семьѣ дальше братняго носа смотритъ и между своими одинокимъ себя увидитъ!" -- Да, передъ нами одно изъ лицъ, которыя рѣдко бываютъ не одиноки: это -- служители не людей, а дѣла, не собственной личности, не своего жалкаго самолюбышка, а *идеи*, служители, по превосходному выраженію автора, "Божьяго живаго дѣла".

Созданье этого новаго типа въ нашей поэзіи, типа чуть-чуть не *центрального* (по его близости къ